

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Худяков Ю.С. Комплекс вооружения восточных кыпчаков в эпоху развитого Средневековья // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

УДК 903'1:39

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.36

Б.А. Коников

Радиозавод им. А.С. Попова, Омск, Россия

КЫПЧАКИ И ЮЖНО-ТАЕЖНОЕ ПРИИРТЫШЬЕ (конец X – XIV в.)

В статье анализируется роль кочевников Казахстана и Алтая в этнокультурных процессах, протекавших в южно-таежном Прииртышье в конце X – XIV в. Проникновение туда предметов тюркского вида началось, по меньшей мере, с эпохи Второго Тюркского каганата (могильник Окунево-III на р. Тара). В течение VII–X в. лесостепная часть Омского Прииртышья была зоной постоянных контактов кочевников – тюрков и южно-хантыйского и, возможно, самодийского населения, т.е. фронтиром. В конце I – начале II тыс. процессы ассимиляции лесостепным и южно-таежным южно-хантыйским населением степных пришельцев и параллельно тюркизация какой-то части аборигенов обрели осязаемые черты. Однако до XIII и, возможно, до начала XIV в. южно-таежное Прииртышье не было северной провинцией сrostкинской культуры, как считают омские исследователи С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов (2019); присутствие предметов вооружения, поясной гарнитуры и конского снаряжения степного облика в южно-таежных памятниках объясняется в основном, торговлей и результатами военных столкновений (трофеями). Только с появлением в степях монголов (XIII в.) движение кыпчаков в сторону южно-таежного Прииртышья приобретает археологически выраженный характер.

Ключевые слова: южно-таежное Прииртышье, средневековье, тюрки, кыпчаки, усть-ишимская культура, фронт

Впервые роль кочевников Казахстана и Алтая в этнокультурных процессах, протекавших во 2-й половине I – начале II тыс. в Омском Прииртышье была компетентно рассмотрена В.А. Могильниковым [1981]. Впоследствии к этой теме обращались Д.Г. Савинов [1984], Ю.С. Худяков [2011], Е.М. Данченко [2011] и другие исследователи. Интерес объясним: получить ответы на ключевые вопросы по этногенезу и ранней этнической истории сибирских тюрков, обских угров и отчасти северных самодийцев.

Поводом для обращения к заявленной выше теме явилась статья омских исследователей С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова, в которой, помимо представления, как они пишут, «художественных бронз» из курганного могильника у д. Айткулово Омской области, изложен новый взгляд на культурно-этническую ситуацию в Омском Прииртышье развитого Средневековья: «Среднее Прииртышье (синоним Омского Прииртышья. – Б.К.) с начала I тыс. н.э. (надо II тыс. – Б.К.) стало частью кимако-кипчакского мира, который генетически связан со сrostкинской культурой» [Татауров, Тихонов,

2019, с. 111]. Уточню. В основу вывода положены материалы южно-таежного памятника (подчеркнуто мною. – *Б.К.*), расположенного примерно в 200 км к северо-востоку от г. Омска. Их точка зрения кардинально отличается от заключений В.Н. Чернецова, В.А. Могильникова и других исследователей. Так, В.А. Могильников [1987, с. 202] считал, что часть лесостепного и все южно-таежное Прииртышье в раннем и развитом Средневековье входили в ареал формирования южно-хантыйского этноса. Это мнение разделяет автор статьи [Конигов, 2007, с. 253].

Пересмотр научной парадигмы, утвердившейся в конце 1930-х гг., требует серьезной аргументации. На наш взгляд, в статье С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова она отсутствует. Начну с того, что материалы могильника, как, равным образом, и остальных средневековых памятников в районе д. Айткулово, прежними их исследователями включались в контекст местных оседлых культур [Чагаева, 1970; 1973; Скандаков, 1988]. И действительно погребальный обряд (группировка, размеры и устройство насыпей, характер расположения под ними могил, исключительно обряд трупоположения, поза и ориентация умерших людей головой, да и прочие детали ритуала (остатки жертвоприношений: челюсти и зубы лошади, остатки кострищ в насыпях) не дает оснований для зачисления Мурлинских-I и II могильников (так в литературе принято именовать курганы у д. Айткулово) в некрополи сrostкинской культуры. Добавим к этому следующее. Глиняная посуда, как из курганов, так и из близлежащих синхронных и однокультурных городищ по большинству своих параметров идентична посуде кинтусовского и сайгатинского этапов/культур Обь-Иртышской культурно-исторической общности или, по нашему мнению, усть-ишимской культуры [Федорова и др., 1991, рис. 3А; Зыков, 2012, рис. 57–63; Конигов, 2007, рис. 123]. Бронзовые украшения и антропо-зооморфные подвески из д. Айткулово находят соответствие в памятниках Северо-Западной Сибири, Прикамья и лесов Восточной Европы, что декларируют и авторы статьи. Да, в айткуловской коллекции представлены железные плоские и трехгранные наконечники стрел, бронзовые и костяные пряжки с железными язычками и детали конской амуниции; они имеют параллели в кимако-кыпчакском инвентаре. Однако аналогии им обнаружены и за пределами расселения кыпчаков, например, в культурах Севера – Западной Сибири, Приуралья, Прикамья и Восточной Европы [Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987; Крыласова, 2007]. В айткуловских курганах, как, впрочем, и в остальных южно-таежных могильниках, не обнаружено захоронений головы и ног лошади с человеком, что отмечено, например, для половины погребений могильника Чулым-2 VIII–IX вв., свидетельство проникновения в Барабинскую лесостепь тюркоязычного населения [Троицкая, 2002, с. 93]. В аннотации к статье С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов упоминают ровики вокруг насыпей, но из ее текста неясно, были ли они зафиксированы А.С. Чагаевой и каково их устройство. Ровики характерны для кыпчакских курганов, но заметим, в Прииртышье они известны со времени саргатской общности раннего железного века.

Переоценка этнокультурной ситуации в южно-таежном Прииртышье рассматриваемого времени требует анализа коллекций с других южно-таежных памятников: поселений Верхнее Аксеново-II, Кипо-Кулары-III, Красноярского археологического комплекса, могильников Иванов Мыс-I, Ильчибага-I, Кипы-III, Малая Бича-IV, Малая Тебендя-I, Усть-Ишим-I и т.д. [Конигов, 1993; 2007; 2019; 2020; Данченко, 2008]. В них, помимо всего, в большом количестве представлена глиняная посуда, за малым

исключением – круглодонная, ее декор состоит из оттисков гребенчатого и уголкового штампа, оттисков шнура, ямок и «жемчужин», он покрывает от одной до двух третей поверхности сосудов; кочевническая керамическая посуда бедна орнаментом и чаще всего плоскодонная [Могильников, 1981, рис. 27.-8, 26, 35, 42]. По логике С.Ф. Тагаурова и С.С. Тихонова, все вышеназванные памятники оставлены кыпчаками!

К сказанному добавлю, что с лесостепных и южно-таежных памятников раннего и развитого Средневековья имеется и антропологический материал [Багашев, 2017; Пошехонова, 2011а–б]. Согласно заключению специалистов, в конце I – середине II тыс. южно-таежное Прииртышье населяли жители, тяготевшие по физическому облику к северным территориям и не связанные с антропологическими типами лесостепного Прииртышья [Багашев, 2017, с. 244].

Исследователи по-разному истолковывают культурную принадлежность южно-таежных древностей развитого Средневековья. Автор относит их к усть-ишимской южно-хантыйской культуре, другие специалисты – к кинтусовскому и сайгатинскому этапам/культурам Обь-Иртышской общности [Федорова и др., 1991; Зыков, 2012]. Однако в любом случае они отражают этапы формирования южно-хантыйского этноса, и айткуловские курганы являются памятниками южно-хантыйского круга.

Вкратце об усть-ишимской культуре. Ее городища располагались, как правило, на высоких мысах и прилегающей к ним территории, укрепления состояли из глубоких и широких рвов, системы земляных валов с частоколами по гребню. Люди жили в долговременных каркасно-столбовых жилищах с открытыми очагами и хозяйственными пристройками. Мощный (до двух метров) культурный слой был насыщен костями домашних и диких животных, рыбьими костями. Большая часть инвентаря изготовлена из кости и рога, развиты металлургия железа и бронзы. Характерен курганный способ погребения, наличие, помимо центрального материкового и, как правило, парного погребения, и периферийных – парных или одиночных, под одной насыпью обнаружено от одного до восьми погребений, нередко могилы со следами обжига, обряд – только трупоположение, поза умерших стандартна – на спине, руки вдоль туловища или согнуты в локтях и кисти на поясе, преобладающая ориентация – головой на северо-запад, большая часть инвентаря находилась там же, где и при жизни. Глиняные лепные сосуды, как правило, ставились в ногах и чаще всего кверху дном; предварительно они приводились в негодность. Насыпи содержали разное количество остатков поминально-жертвенных ритуалов: глиняные сосуды, кострища, черепа, челюсти и зубы лошади, редко – кости таза или конечности, практиковалась подсыпка углей к глиняным сосудам, черепам и челюстям лошадей.

Какова же роль тюркоязычных кочевников, и в частности кыпчаков, в процессах, имевших место на территории Омского Прииртышья? Начнем с того, что в состав земель Первого и Второго тюркских каганатов входила степная и отчасти лесостепная его часть. Тюркам принадлежат курганные могильники Рамантеевка и Изылбаш VIII–X вв. в степном [Конигов, 1992, с. 19–21; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 298] и могильник Ирча X в. в лесостепном Прииртышье [Могильников, 1981, рис. 25.-19]. В грунтовом могильнике Окунево-III (южно-таежное Прииртышье, левобережье р. Тара), помимо местных типов вещей (бронзовых зоо-антропоморфных подвесок, украшений, глиняной посуды), обнаружена железная панцирная пластина, стремя, бронзовые детали поясного набора и украшения тюркского типа VIII–IX вв. [Могильников, Конигов, 1983, рис. 4, 5; 6, 8 и др.].

Полагаю, что в VII–X вв. лесостепное Прииртышье являлось зоной контактов тюркоязычных кочевников и оседлого южнохантыйского населения. Не случайно там расположены как потчевашские поселения (Ростовка-II) и курганные могильники усть-ишимской культуры (Стрижево-III, устное сообщение А.В. Полеводова, 2020 г.), так и памятники тюркоязычных кочевников (могильник Ирча-I). В указанные выше века лесостепное Прииртышье становится регионом, где чересполосно проживали и кимаки-кыпчаки, и потчевашско-усть-ишимское население. Такие территории соседства и контактов обозначают понятием «фронтир», а историками получены интересные результаты его функционирования в Сибири в XVII–XVIII вв. [Хромых, 2012; Резун, Шиловский, 2005]. Их наработки ценны и для нашей темы.

Очевидно, что продвижение степняков в непривычную таежную обстановку, их встречи и столкновения с представителями по многим признакам иных сообществ – все это требовало предварительной подготовки: надо было провести разведку новой страны, прощупать военный потенциал, изучить тактику и манеру ведения боя ее обитателями. Следует учитывать и то, что южным пришельцам противостояли не только пешие и конные ополченцы, но и профессиональные воины, оснащенные совершенным по тому времени наступательным и защитным вооружением [Конилов, 2019; 2020]. Уязвимым местом было отсутствие централизованного руководства, и к тому же, судя по легендам и сказаниям [см. Патканов, 1891], таежные сообщества раздирали межобщинные и межэтнические схватки, что оборачивалось, как хорошо известно, трагедией для обороняющейся стороны.

С начала II тыс. кыпчаки стали проникать в южно-таежное Прииртышье. Это документирует курганный могильник Кыпы-III в Тевризском районе Омской области. Некогда он включал в свой состав свыше 110 курганов (данные краеведа А.Ф. Палашенкова, 1959 г.), экспедициями Омского пединститута было исследовано 28 уцелевших к 1979 г. насыпей. 26 курганов относятся к местным культурам раннего железного века и развитого Средневековья. Для нашей темы особо важны курганы №6 и 13. Курган №6 содержал центральное материковое погребение, на втором горизонте (10 см от уровня материка) которого откопан потревоженный скелет лошади, положенной на левый бок, головой на северо-запад, под ним – скелет мужчины, уложенного на спину, головой также на северо-запад; человека сопровождали железные стремена и кольчатые удила. В кургане №13 обследованы две центральные материковые параллельные могилы, в одной, №1, находилось захоронение человека по обряду трупосожжения (сожжение было совершено на стороне, инвентарь огнем не затронут), во второй, №2, – по обряду трупоположения. Первое погребение было снабжено двумя железными стременами, кольчатыми удилами, наконечником копья, бронзовой пряжкой с остатками кожаного ремня, бляхами – распределителями ремней конской упряжи, парными фигурными застежками и двумя глиняными сосудами с характерной для северных культур орнаментацией [Конилов, Шван, 1983, с. 47–48]. Замечу, что иные случаи трупосожжений в южно-таежных могильниках конца X – XIV в. мне неизвестны: сочетание трупоположения и трупосожжения характерно для сrostкинской погребальной традиции [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 293].

Что представляла собою этнокультурная ситуация в южно-таежном Прииртышье в XII–XIV вв.? Обратимся к материалам южно-таежных могильников этого времени – Иванову Мысу-I и Паново-I [Конилов, 2019; 2020]. Первый расположен на левом бе-

регу Иртыша, вблизи с. Иванов Мыс Тевризского, второй – на правом, вблизи д. Паново Усть-Ишимского района Омской области. В составе первого около 50 курганов, изучено три, во втором – 77, исследовано 11 курганов. Для их погребального обряда характерны черты, присущие некрополям предыдущих веков: курганный способ захоронения, нахождение под одной насыпью центральной и периферийных могил от одной до восьми, исключительно обряд труположения, укладка умерших людей на спину, головой преимущественно: в Иваном Мысу-I – на северо-запад, в Паново-I – на запад. Инвентарь традиционен, разве что намного больше стало предметов вооружения, а в Паново-I обнаружены железные чеканы, аналогичные топорам из Пермского Предуралья. Глиняная посуда стояла как в могилах, так и в насыпи. Она прежней формы: круглодонная, ее орнаментальный декор аналогичен усть-ишимскому, кинтусовскому и сайгатинскому. В насыпи найдены черепа, челюсти и зубы лошади, редко – кости таза или фрагменты конечностей ног, возле некоторых черепов и челюстей отмечены скопления углей. Также в разных местах насыпи или вокруг центральной могилы обследованы остатки кострищ. В составе инвентаря много импорта – оружия, конского снаряжения, деталей поясного набора и украшений, аналоги которым встречаются как в культурах юга Западной и Южной Сибири, так и в Волжской Булгарии, Пермском Предуралье, Древней Руси, на Северо-Западе Сибири. В обоих могильниках встречены местные бронзовые культовые подвески – антропоморфные, антропо-зооморфные и зооморфные.

Зададимся вопросом: что в материалах Иванова Мыса-I и Паново-I можно соотнести с кыпчакской культурой? Оружие, поясные наборы и конское снаряжение? Однако если взять, например, железные плоские и граненые наконечники стрел, то в рассматриваемое время их выковывали не только в мастерских юга, но и, такой же формы, в ремесленных центрах Пермского Предуралья [Белавин, 2001]. И действовал Великий торговый путь, соединявший Сибирь и Восточную Европу, по которому в обоих направлениях двигались караваны [Кызласов, 2006].

Далее, результаты изучения антропологического материала из усть-ишимских могильников показывают преобладание местного, идущего от культур раннего железного века, антропологического типа. Вместе с тем в незначительной степени в нем присутствуют и южно-сибирские антропологические черты [Пошехонова, 2011б, с. 153–154]. Однако последнее не меняет общей картины.

Начиная с XIII в. в процессе активного проникновения в южно-таежное Прииртышье кыпчаков и, вероятно, части монголов происходит то, что отслежено археолого-этнографическими и антропологическими исследованиями последних десятилетий: преимущественно на местной антропологической основе оформляется к XV в. новая этническая общность – тоболо-иртышские татары.

Библиографический список

- Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск, 2017.
- Белавин А.М. Ремесленные мастерские Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Предуралья. Ижевск, 2001.
- Данченко Е.М. К изучению процессов тюркизации в Среднем Прииртышье по данным археологии // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011.
- Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск, 2008.
- Зыков А.П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург, 2012.

- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Конииков Б.А. Иванов Мыс-I, курганный могильник. Тевризский район. Омская область. Омск, 2019.
- Конииков Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
- Конииков Б.А. Паново-I, курганный могильник. Усть-Ишимский район, Омская область. Омск, 2020.
- Конииков Б.А. Рамантеевский и Изылбашский могильники степного Прииртышья (по материалам раскопок В.П. Левашовой) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1.
- Конииков Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск, 1993.
- Конииков Б.А., Шван Ф.Д. Исследование кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
- Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007.
- Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006.
- Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20 томах. М., 1981.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20 томах. М., 1987.
- Могильников В.А., Конииков Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. №2.
- Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
- Пошехонова О.Е. К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVIII вв. на территории Красноярского археологического комплекса) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2011а. №2.
- Пошехонова О.Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры на рубеже I и II тыс. н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011б. №4.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Скандаков И.Е. Потчевашские жилища на Мурлинском городище // Источники и историография. Археология и история. Омск, 1988.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 томах. М., 1981.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, №1.
- Троицкая Т.Н. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 томах. М., 1987.
- Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века). Красноярск, 2012.
- Худяков Ю.С. Контакты тюркских и монгольских кочевников с народами таежных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011.
- Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5.
- Чагаева А.С. О хронологии памятников Чувашского Мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.